

С тех пор как Су Няньань приехал в семью Лу, на него свалили всю грязную и тяжёлую работу в вилле: стирку, уборку, мытьё окон и полов. Даже перенос тяжестей, разбор кладовой и уборка заднего двора — всё досталось ему.

Слуги знали, что он не умеет защищаться и что Лу Чжияню нет дела до его жизни. Поэтому любую возможность полениться оставляли себе, а всю тяжёлую работу спокойно перекладывали на него, без стыда пользуясь его трудом.

Су Няньань ни разу не пожаловался и не сопротивлялся. Он молча принимал всё на себя, день за днём терпел и работал, словно волчок, который никогда не останавливается.

Каждый день он вставал ещё до рассвета, когда в небе висела тусклая луна. Сначала убирал все комнаты, до блеска протирал каждое панорамное окно, затем сортировал одежду семьи, стирал и развешивал её. От холодной воды пальцы краснели и трескались, но он лишь потирал руки и продолжал. Потом шёл в кухню, наводил порядок во дворе и весь день не присаживался. Часто не успевал ни воды выпить, ни вовремя поесть.

Он и без того был худым и слабым. Ещё в семье Су его держали впроголодь и одевали кое-как, здоровье с детства было подорвано. После нескольких дней непосильной работы организм уже не выдерживал.

Головокружения случались всё чаще, руки и ноги слабели, перед глазами периодически темнело. Но Су Няньань стискивал зубы и продолжал. Он боялся остановиться, боялся отдохнуть: вдруг его сочтут бесполезным, выгонят из семьи Лу и он потеряет единственное место, где может жить.

В тот день после обеда солнце палило особенно жестоко, земля раскалилась. Су Няньаню велели перенести старые ящики из кладовой на задний двор. Ящики были большими, тяжёлыми, набитыми всяким хламом.

Он один тащил такой ящик, согнувшись почти пополам, и медленно переставлял ноги. Одежда насквозь промокла от пота и липла к спине. Пот стекал со лба в глаза, щипал их. Перед глазами волнами темнело, грудь сдавило, дышать стало трудно, во рту появился привкус крови.

Су Няньань стиснул зубы, вцепился в края ящика и прошёл ещё несколько шагов. Вдруг всё перед глазами почернело, мир завертелся, ноги подкосились. Сил не осталось, и он рухнул на жёсткий бетон. Ящик с глухим ударом свалился рядом. Су Няньань потерял сознание.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит на узкой кровати в гостевой комнате. На лбу была холодная мокрая ткань — какой-то проходивший слуга заметил его и наспех положил компресс. Рядом никого. Только закатный свет проникал из окна, разливая тусклое жёлтое сияние, отчего комната казалась ещё пустее и холоднее.

Всё тело ломило, будто кости рассыпались. Голова кружилась, горло пересохло и горело. Он

попытался подняться, но не мог даже руку нормально поднять. Конечности были ватными, и даже открыть глаза требовало усилий.

Су Няньань понимал: он потерял сознание от постоянного переутомления и недоедания.

В этот момент дверь тихо открылась. Лу Чжиянь въехал в комнату, колёса едва слышно прошуршали по полу.

Лицо по-прежнему оставалось холодным и бесстрастным. Во взгляде, казалось, не было ни заботы, ни жалости — только раздражение и отвращение, будто обморок Су Няньаня стал очередной досадной проблемой.

Увидев его, Су Няньань почувствовал крошечную надежду, словно в темноте мелькнул огонёк. Может быть, Лу Чжиянь спросит, что случилось? Может, хотя бы немного побеспокоится, хотя бы взглянет на то, до какого состояния он себя довёл?

Но Лу Чжиянь лишь скользнул взглядом по бледному лицу и потрескавшимся губам и холодно бросил одну язвительную фразу, которая словно острый нож вонзилась в сердце:

— Даже такую работу не можешь сделать. Немного потрудился — и уже в обморок. Беспольный. Только зря тебя кормим.

Ни вопроса о самочувствии, ни вопроса о боли, ни слова утешения, ни капли тепла. Только холодное «беспольный» и ничем не скрытое отвращение.

Губы Су Няньаня задрожали, глаза мгновенно покраснели. Слёзы собрались, но он изо всех сил удержал их и снова проглотил всю обиду.

Он молча отвернулся к окну и уставился на тусклый закат. Обида и отчаяние медленно расплзались внутри, словно лианы оплетали сердце и не давали дышать.

Он выполнял всю грязную работу, терпел день за днём, довёл себя до обморока — и после пробуждения получил только безжалостное «беспольный».

В глазах Лу Чжияня он всегда оставался лишь ненужной декорацией, слугой и человеком, который не заслуживает заботы даже после обморока. Номинальным супругом — никогда.

Лу Чжиянь заметил его покрасневшие глаза и дрожащие худые плечи. В сердце что-то едва заметно дрогнуло, пальцы слегка согнулись. Возникшее чувство жалости он тут же силой подавил.

Он всё равно ничего больше не сказал и не оставил ни единого знака заботы. Развернул кресло

и уехал, оставив Су Няньаня одного на холодной кровати — терпеть усталость и обиду.

В гостевой комнате стояла пугающая тишина. Только подавленные всхлипы Су Няньаня едва слышно отдавались в тесном помещении. Никто их не слышал, никто не жалел его. Он был словно пылинка в забытом углу, молча принимающая всё, что выпало на её долю.

<http://bllate.org/book/20587/2058876>